

Э.Х. Маслоу

[Третья сила в психологии]*

Впервые вышедшая в свет в 1954 г., эта работа, в сущности, представляла собой попытку построения такой теории, которая *базировалась* бы на классической психологии того времени и в то же самое время никак не отвергала бы ее и не противостояла бы ей. Я пытался расширить наши представления о личности, выходя на «высшие» уровни человеческой природы. (Я даже подумывал назвать ее «Дальние пределы человеческой природы».) Если бы вы попросили меня кратко изложить основной тезис той книги, то я бы сказал так: психология много толковала о человеческой природе, но *кроме* этой природы человек имеет еще и высшую природу, и эта его природа инстинктоподобна, т.е. является частью его сущности. <...>

<...> Я ценю эмпирический багаж, накопленный экспериментальной психологией и психоанализом, но мне претят проповедуемые этими науками идеи. Мне близок экспериментаторский задор бихевиоризма и всеобнажающий, всепроникающий дух психоанализа, но я не могу согласиться с тем *видением* человека, которое они предлагают. Иначе говоря, своей книгой я представляю иную философию человеческой природы, предпринимаю попытку иначе очертить образ человека.

Однако если раньше я воспринимал свои разногласия с бихевиоризмом и психоанализом как спор, не выходящий за рамки психологии, то теперь я вижу в них локальное проявление нового *Zeitgeist* [дух времени (нем.). — *Ред.-сост.*], своего рода знамения времени, я воспринимаю их как признак зарождения новой генерализованной и всеохватывающей философии жизни. Это новое гуманистическое мировоззрение внушает мне радость и оптимизм; оно, как мне кажется, может оказаться плодотворным в любой области человеческого знания, будь то экономика, социология или биология, в любой сфере профессионального знания — в юриспруденции, политике, медицине; оно поможет нам понять истинное значение таких социальных институтов как семья, религия, образова-

* Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 11—13, 16, 21—22, 27, 31, 32.

ние. Именно это убеждение побудило меня переработать свою книгу, посвятив ее изложению новой психологии. Эта психология — лишь часть общего мировоззрения, один из аспектов всеобъемлющей философии жизни, философии, пока не приобрелшей завершенной формы, но которая видится нам все более и более возможной, а значит, требует к себе серьезного отношения.

Не могу не упомянуть здесь крайне огорчительный для меня факт, заключающийся в том, что это поистине революционное знание (новое представление о человеке, обществе, природе, ценностях, новое понимание науки, философии и т.п.) до сих пор не попало в поле зрения наших интеллектуалов, а порой сознательно не замечается ими, особенно теми, в чьем ведении находятся средства связи с образованной частью общества и молодежью. (Отчасти поэтому я говорю о «тайной революции».)

Мировоззрение очень многих представителей интеллектуальной элиты отмечено печатью глубокой безысходности и цинизма, цинизма, доходящего порой до разъедающей душу злобы, даже жестокости. Эти интеллектуалы отрицают возможность совершенствования человека и общества, отказываются видеть внутренние, сущностные ценности, заложенные в каждом человеке, не признают за ним жизнелюбия и любви. <...>

Этой субкультуре безнадежности, этой установке «ты ничем не лучше», этой антиморали, в основе которой лежат агрессия, безнадежность, где нет места для доброй воли, прямо противостоит гуманистическая психология, вооруженная данными предварительных исследований, которые представлены в этой книге, и трудами, указанными в библиографии. <...>

<...> Я пытаюсь выстроить некую систему сущностных человеческих ценностей, своего рода свод общечеловеческих добродетелей, которые сами для себя служат обоснованием и подтверждением — они изначально, по сути своей благие, они исконно желанны и именно поэтому не нуждаются ни в оправданиях, ни в оговорках. Эта иерархия ценностей уходит корнями в саму природу человека. Человек не просто желает их и стремится к ним, они необходимы ему, необходимы для того, чтобы противостоять болезни и психопатологии. Облекая эту мысль в другие слова, скажу, что базовые потребности и метапотребности¹ являются своего рода внутренним подкреплением, тем безусловным стимулом, на базе которого в дальнейшем произрастают все инструментальные навыки и условные связи. Иначе говоря, для того чтобы достичь этих внутренних ценностей и животные, и люди готовы научиться чему угодно, лишь бы новые знания или новые навыки приближали их к этим главным, конечным ценностям.

Мне хотелось бы, пусть мельком, затронуть здесь еще одну идею. На мой взгляд, мы можем рассматривать инстинктоподобные базовые потребности и метапотребности не только как потребности, но и как неотъемлемые *права* человека. Эта мысль неизбежно приходит в голову, стоит только признать, что

¹ См.: Maslow A.N. A theory of metamotivation: the biological rooting of the value-life // J. humanistic Psychol. 1967. № 3. P. 93—127.

человек имеет такое же право быть человеком, как кошка имеет право быть кошкой. Только удовлетворяя свои потребности и метапотребности, человек становится «дочеловеченным», и именно поэтому их удовлетворение следует рассматривать как естественное человеческое право. <...>

По моему мнению, человек обладает лишь *очень слабыми* рудиментами инстинктов, которые даже не стоило бы называть инстинктами в истинном, животном, смысле этого слова. Эти рудименты, эти инстинктоидные тенденции настолько слабы, что не могут противостоять культуре и научению, — последние факторы гораздо более сильны и могучи. Фактически, можно сказать, что психоанализ и другие формы вскрывающей терапии, хотя бы тот же «поиск идентичности», выполняют очень трудную, очень деликатную задачу высвобождения инстинктоидных тенденций, вызволения слабо обозначенной сущностной природы человека из-под груза внешних пластов, сформированных научением, привычками и культурными влияниями. Одним словом, человек имеет биологическую сущность, но эта сущность очень слаба и нерешительна; необходимы специальные методы, чтобы обнаружить ее. Человеку приходится искать и обнаруживать в себе — индивидуально и субъективно — свое животное начало, свою биологическую человечность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что человеческая природа чрезвычайно податлива, податлива в том смысле, что культура и среда с легкой небрежностью угнетают или даже убивают в нас присущий нам генетический потенциал, но они не в состоянии породить его или усилить. Мне думается, этот вывод может послужить веским аргументом в пользу предоставления абсолютно равных социальных возможностей всем младенцам, приходящим в этот мир. Он же может стать чрезвычайно мощным аргументом в пользу хорошего общества, поскольку плохое общество угнетает развитие врожденного потенциала человека. Последнее положение подкрепляет и развивает ранее выдвинутое мною утверждение о том, что принадлежность к роду человеческому *ipso facto* [в силу самого факта (лат.). — *Ред.-сост.*] дает человеку право стать дочеловеченным, т.е. актуализировать все возможные человеческие потенции. Человечность как принадлежность к человечеству должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало *родиться* человеком, нужно *стать* им. В этом смысле младенец только в потенции является человеком, он должен дорасти до человечности, и в этом ему должны помочь семья, общество и культура.

Приняв эту точку зрения, мы в конечном итоге станем серьезнее, чем прежде, относиться и к самой идее человечности (биологической), и к индивидуальным различиям между людьми. Рано или поздно мы научимся думать об этих феноменах по-новому. Во-первых, мы поймем, что человечность — слишком пластичное и хрупкое, легко изменяемое и уничтожаемое явление, что вторжение в процесс дочеловечивания и стремление грубо воздействовать на индивидуальные особенности человека может порождать всевозможные тонкие, почти неуловимые формы патологии. Это понимание, в свою очередь, поставит перед нами весьма деликатную задачу поиска и раскрытия характера

конституции скрытых *наклонностей* каждого индивидуума, с тем, чтобы индивидуум мог расти и развиваться в своем стиле, индивидуальном и неповторимом. Такой подход потребует от психологов гораздо большего внимания к тем едва уловимым психологическим и физиологическим нарушениям, к тем страданиям, которыми человек расплачивается за отрицание и забвение своей истинной природы и которые порой не осознаются им и ускользают от внимания специалистов. Это, в свою очередь, означает гораздо более точное, и вместе с тем более широкое употребление термина «правильное развитие», распространение его на все возрастные категории. <...>

Мы неуклонно приближаемся к открытию и познанию ценностей, свойственных человеческой природе, стоим на пороге постижения системы ценностей, которая может заменить собой религию, удовлетворить человеческое стремление к идеалу, вооружить человека нормативной философией жизни, дать каждому то, в чем он нуждается, о чем тоскует, без чего человеческая жизнь становится порочной, вульгарной и тривиальной. <...>

Движение в сторону самоактуализации² и дочеловечности становится возможным благодаря целостной иерархии «хороших условий». Эти физические, химические, биологические, межличностные, культуральные условия значимы для индивидуума настолько, насколько они обеспечивают или не обеспечивают удовлетворение его базовых человеческих потребностей и «прав», насколько позволяют ему стать достаточно сильным, достаточно автономным, чтобы самостоятельно управлять своей жизнью.

Человека, взявшегося изучать эти предпосылки, может потрясти, насколько хрупок человеческий потенциал, насколько легко он может быть разрушен или угнетен, настолько легко, что дочеловечный человек кажется нам чудом, невероятной случайностью, внушающей благоговейный страх и трепет. Но вместе с тем уже сам факт существования самоактуализированных людей убеждает нас в возможности самоактуализации, и, воодушевленные, мы верим, что все опасности преодолимы, что финишная черта может быть пересечена. <...>

В заключение мне бы хотелось назвать книгу, которую вы держите в своих руках, провозвестницей гуманистической психологии, или воплощением того, что сегодня называют Третьей силой. Очень юная с точки зрения классической науки, гуманистическая психология открыла перед учеными двери для изучения таких психологических явлений, которые можно назвать трансцендентными или трансперсональными, тех фактов, которые прежде были принципиально исторгнуты из сферы научного рассмотрения бихевиоризмом и фрейдизмом.

² *Самоактуализация* — введенный немецко-американским психологом К. Гольдштейном (1978—1965) термин, обозначающий мотив полной реализации собственных возможностей или потенциала (талантов и способностей), а в теории Э. Маслоу самоактуализацией называется высший уровень развития психики человека. Однако оба автора в качестве особенностей (личностных черт) самоактуализирующихся людей имеют в виду примерно одно и то же: независимость, самостоятельность, немногочисленные, но глубокие дружественные связи, «философское» чувство юмора, сопротивляемость давлению внешних обстоятельств. — *Ред.-сост.*